

Политический идеал российской государственности Н.Я. Данилевского

А.Э. Маякунов*

В статье рассматривается вопрос о политическом идеале Н.Я. Данилевского, автора теории культурно-исторических типов, освещаются основные принципы политического дискурса русского мыслителя, называются и анализируются основные факторы формирования его политических взглядов на форму правления в России. Обосновывается положение о том, что единственным самобытным архетипом политической системы России выступает идея государственности.

The article examines the question of a political ideal of Nikolay Danilevsky, the author of the theory of historical-cultural types. It elucidates the basic principles of a political discourse of the Russian philosopher, indicates and analyzes the basic factors that influenced his political views on the form of government in Russia. The author of the article substantiates that the only original archetype of a political system in Russia is the idea of statehood.

Ключевые слова: политический идеал, теория культурно-исторических типов, форма правления, российская государственность, державная власть, самобытный архетип российской политической системы.

Keywords: political ideal, theory of historical-cultural types, form of government, Russian statehood, sovereign power, original archetype of a Russian political system.

Одним из главных достоинств политического дискурса Н.Я. Данилевского являлось глубоко чувствуемое им своеобразие русской судьбы и попытка научно доказать, что либеральные и другие западные политические доктрины неприемлемы для России и что она имеет собственный путь развития. Русский историк П.Н. Милюков, критически разбирая «Россию и Европу», утверждал, что вопрос о форме государственности остается у Данилевского нерешенным [1, с. 20]. С этим мнением П.Н. Милюкова нельзя согласиться. В статьях «Несколько слов о конституционных вожделениях нашей «либеральной» прессы» (1881) и «Происхож-

дение нашего нигилизма» (1885) Н.Я. Данилевский высказывается о форме русской государственности более чем определенно. Сущность его представлений о формах правления сводится к следующему.

Касаясь вопроса о политическом идеале России и Запада, Н.Я. Данилевский верен своему «морфологическому» принципу. Политический идеал народа ему представляется неким архетипом, заложенным и сформированным в коллективном бессознательном в этнографический период исторического развития. Он был уверен, что «впоследствии в исторически сознательный период их жизни, эти идеалы только развиваются и укрепляются, или же разрушаются

* Маякунов Александр Эдисонович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. E-mail: alexmoy@mail.ru

Mayakunov Alexander Edisonovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.

ся, но не восстанавливаются и не изменяются иными органическими идеями» [2, с. 240].

Политическим идеалом европейских народов был «феодализм, протекающий от завоевания. Цепь властей вершилась в императоре и нисходила от него через королей, герцогов, графов, баронов до последних звеньев власти... правильные отношения между звеньями, правомерное определение и ограничение власти суверенов над вассалами, и главных вассалов – в свою очередь – над второстепенными, и таковое же определение и ограничение подчиненности вассалов к сюзеренам, которое называлось лояльностью, взаимные их рыцарские отношения к равным – вот в чем состоял политический идеал как чисто германских народов, так и романо-германских народов» [2, с. 247]. По разрушению феодального начала единственным источником власти на Западе является принцип общественного договора. «Для европейца – феодализм или договор; другой альтернативы для основания политической власти не существует. Но договор требует всякого рода гарантий, и единственной санкцией для их исполнения, для подвластных служит и может служить лишь право возмущения, право революции, право, возводимое даже в обязанность. Это начало гарантий, истекающее из договора, и составляет новый, так сказать, протестантский политический идеал, известный под именем конституционализма» [2, с. 249]. Именно поэтому Н.Я. Данилевский считал, что европейские государства суть механистические образования: «Как невозможно при помощи таланта и искусства сочинить новую Илиаду, так же точно невозможно выработать народу при помощи науки новый политический идеал, ибо это значило бы заменить живое мертвым и механическим, сознательно составленным» [2, с. 248].

Здесь Н.Я. Данилевский нарушил внутреннюю логику своей органистской теории. Ведь в светской средневековой иерархии изначально присутствует право, договорное начало, и в Новое время произошла хоть и радикальная победа светской формы нормативности над религиозной, но коренная, органическая структура европейского понимания порядка сохранилась.

Но онтологическая составляющая европейского либерализма позже была утеряна. Н. А. Бердяев писал: «Идеология демократии не может признать государства как специфической и самобытной реальности, она целиком сводит государство на общество, т.е. видит в государстве лишь функции общества. Общество же сводит на отношения людей. Так исчезают всякие онтологические основы государства и общества» [3, с. 144].

Именно этот аспект либерализма имел в виду Н.Я. Данилевский, когда разделял государственные образования на «механические» и «органические». Русский мыслитель утверждал, что западноевропейские государства в сущности являются «механическими» образованиями, в то время как российское государство представляет собой «органическое» учреждение. Определяя таким образом типы государств, Н.Я. Данилевский, вероятно, представлял народ не как механическую сумму индивидов, а как «онтологическую реальность». Народ для него – живой организм, соборная личность. И либерализм ни в коей мере не выражает дух народа, ибо последний невозможно выразить механистической формулой, но только в категориях органического подхода к социальным институтам, и прежде всего к государству.

Прямо противоположным представлялся Н.Я. Данилевскому политический идеал русского народа. «Политические воззрения и убеждения,

государственная воля русского народа составляет непреложный политический инстинкт, настоящую политическую веру, которая воплощена в самодержавии» [4, с. 227]. Политические требования русского народа в «высшей степени умеренные», так как отсутствие, по Н.Я. Данилевскому, междоусобной борьбы социальных слоев и групп обусловили «полнейшую доверительность» к власти [5, с. 262]. Православное понимание государственности понимает ее только как внешнюю материальную оболочку, защищающую наиболее жизнеобеспечивающее ядро – самобытную культуру. Все историческое достоинство самодержавия состояло в том, что «народ, зная его практическое, деловое несовершенство, все-таки твердо стоял за него» [5, с. 263]. Так как практические недостатки искупались истекающими от него благами высшего порядка – исторического блага в «возможности жить «по-Божьи», что несовместимо с погоней за «мирскими прелестями»» [5, с. 265].

Таким образом, политический идеал русского народа, как полагал Н.Я. Данилевский, заключался в том, что самодержавие не есть форма правления в обыкновенном смысле, «но только форма органическая, то есть такая, которая неразделима от сущности того, что ее носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма органического существа от растения до человека; посему такая форма изменена быть не может» [5, с. 501].

Политическим идеалом для Н.Я. Данилевского служило органическое, корпоративно-иерархическое, идеократическое устройство общественной жизни. Общественная жизнь невозможна без идеи, которая имеет онтологическое ядро, онтологическое основание, отражающее объективный строй общественного бытия. Этой

идеей явилась для русского мыслителя идея нравственного сознания русских как единой нации в лице монарха.

Таким образом, Н.Я. Данилевский, считая политическим идеалом русского народа самодержавие, как органическую для России форму правления, подчеркивал фундаментальную особенность российской государственности от западноевропейских либерально-демократических доктрин. Ведь, в самом деле, одна из граней коренного различия российской и европейской цивилизаций является различие между разными моделями государства.

В европейской модели государственности в качестве фундамента положено право. Здесь правопорядок понимается как основа общественного номотивно-когнитивного комплекса, считающегося в обществе знанием. Быть членом общества – значит разделять его знание, или «номос». С его помощью различные социальные группы осмысливают, интерпретируют и легитимируют свой жизненный опыт. Именно право, как один из важнейших символических универсумов, неизменно носит всеобщий характер, т.е. уравнивает всех и вся, гарантирует каждому человеку определенные и безусловные, неотъемлемые права и трактует его обязанности. Поэтому право сакрализуется и онтологизируется в качестве высшей ценности.

В российской модели фундамент регулирования общественных отношений является властная иерархия, т.е. державная власть. В этой связи власть конституируется как онтологическая, истинная субстанция, проявляющая себя как воплощенная воля. Сакрализация также порождает нормативно-правовую регуляцию, однако она лишена телеологической сущности и имеет лишь прикладное значение, ее вектор интенционально иерархичен, единственным источником которого является сама власть, находящаяся

яся вне и над правом. В данной концепции сакрализации власти идеальный тип соционормативной регуляции не имеет четкой артикулированной и логически опосредованной структуры и невозможно охватить весь процесс легитимации (т.е. объяснения и оправдания) социального порядка какой-либо рационализированной гипотетической «основной» нормой права.

Данная сакрализация иерархии играет стратегическую роль при конструировании социальной реальности в российской модели и является наиболее эффективным и широко распространенным средством легитимации любого правопорядка. Благодаря ей все социальные институты приобретают предельно онтологический характер.

Одним словом, цивилизации опираются либо на безусловность иерархических структур, либо на безусловный общественный договор о субъективных правах, юридических обязанностях, процессуальных нормах. В России закон онтологизируется властью, а на Западе власть обретает легитимность в законе. История Запада есть история борьбы права с властью, закончившейся в раннее средневековье победой первого. Право, как социальный регулятор, получает на Западе особое значение. Социальные интересы обеспечиваются путем борьбы за расширение прав и привилегий, отраженных в праве. Культура Запада проникается юридическим духом.

Все это позволило Н.Я. Данилевскому сделать вывод, что в Европе ключевую роль играли агрессивная политика, войны, конфликты, которые воспроизводили определенный психический архетип романо-германской цивилизации. Главной такой особенностью Н.Я. Данилевский считал развитое чувство личности, принцип безусловного приоритета собственного мнения и интереса, ко-

торое при последовательном поведении порождает «насильственность» в религиозной, общественной и политической жизни. Русский мыслитель писал: «Насильственность есть не что иное как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек им обладающий, ставит свой образ, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему ... Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и в общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии – к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета» [5, с. 179].

Именно из этого принципа насильственности, как полагал автор «России и Европы», проистекает неразрешимое противоречие между «демократическими устремлениями и аристократическим устройством общественно-экономического порядка», что приведет Европу к катастрофе, ибо «все основы общественности должны подвергнуться такому потрясению, которое едва ли может пережить сама цивилизация, сама культура ... а подвергнуться она должна неминуемо» [5, с. 255].

Россия же представляет собой, по Н.Я. Данилевскому, полную противоположность Западу, основываясь на принципах религиозной терпимости, гуманности. Особо русский мыслитель подчеркивал отсутствие борьбы политических партий, социальных конфликтов. Причины русских бунтов, по его мнению, носили «не политический характер в строгом значении этого слова характер: «сомнение в законности царствующего лица», «недовольство крепостным состоянием», или «элементы буйства и своеволия каза-

чества» [5, с. 488–489]. Здесь автор «России и Европы» подмечал национально-специфическое в социальных движениях.

Таким образом, понимание развития российской государственности как органического и закономерного процесса, выражающего специфику условий социокультурного окружения, а также внутреннего исторического опыта народа вело Н.Я. Данилевского к отказу от абстрактного представления о государстве вообще, как оно было выработано на западноевропейской почве. Поэтому он, не принимая в идеолого-охранительном смысле формулу «православие, самодержавие, народность», вскрыл при помощи научного анализа ее реальный, цивилизационно-исторический смысл как традиции, в рамках которой только и возможно вести в России процесс ее либерализации, творческого освоения европейского опыта исторической жизни.

Но главный посыл Н.Я. Данилевского состоит в том, что существует самобытный архетип политической системы в России, что единственной матрицей российской цивилизации является государственность. Все значимые социаль-

ные программы в России замыкаются на государстве, а следовательно, победу одерживала российская государственная идея – консервативная константа отечественной политической культуры. И попытки изменения этой идеи государственности будут лишь трагической мистификацией или комедией на либерально-демократический лад, чреватой опасностью гибели государства Российского. Н.Я. Данилевский писал: «Конечно, он (народ – А.М.) исполнил бы повеленную ему внешнюю обрядность, выбрал бы депутатов, как выбирает своих старшин и голов, но не придавал бы этим избранным иного смысла и значения как подчиненных слуг царских, исполнителей его воли, а не ограничителей ее. Что бы ему ни говорили, он не поверит, сочтет за обман, за своего рода «золотые грамоты». Но, если бы, наконец, его в этом убедили, он понял бы одно, что нет более у него царя, нет и Русского царства, что наступило новое московское разорение, что нужны новые Минины, новые народные подвиги, чтобы восстановить царя и царство» [4, с. 228].

Библиографический список

1. Миллюков П. Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [Публ. лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Ист. музея] / П. Миллюков. – М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893. – 53 с.
2. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. По поводу статьи «Этюды господствующего мировоззрения» // Н. Я. Данилевский. Сборник политических и экономических статей ... Изд. Н.Н. Страхова. – СПб., 1890.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1991.
4. Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождений нашей «либеральной прессы» // В сб. политических и экономических статей ... Изд. Н.Н. Страхова. – СПб., 1890.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. – 667 с.

